

Василий Воронов

О ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ (1913)

*Впервые опубликовано в: Вестник воспитания. 1913. № 4.
С. 74–105.*

Многokратно была отмечена, всесторонне истолкована и не подлежит сомнению в недавнее время благоприобретенная черта нашего общества — возникновение или, вернее, пробуждение в нем интереса и с ним смежного благого внимания к области искусства. И сами области искусства, привлекая к себе внимание, тем самым привлекли внутрь себя многих работников, душевно преданных и полностью исповедующих их глубокие основы. Теперь уже в нашем гражданском и общественном быту очень нередки и вовсе не странны личности, живущие только искусством и исповедующие только его; искусство они кладут в основу своей личной и общественной жизни и уже не спорят красноречиво и жарко о том, насколько человеку надобно быть «гражданином» и насколько ему возможно быть «поэтом».

Тот же благой интерес к искусству, наблюденный в обществе, должен быть отмеченным и в педагогике нашей. Вопрос о детском рисунке, столь долго не замечаемом в русской школе, привлек к себе много внимательных и любопытствующих наблюдателей из среды сторонней так же, как и из среды профессиональной. Клочок бумаги, раскрашенный детскими карандашами и красками, возбудил много толков да, пожалуй, и споров; но одно заключение царило над всеми толками и спорами: «детский рисунок весьма часто интересен сам по себе и всегда интересен как выразительный и глубокий показатель психологии ребенка». Этот рисунок, давая простор для мыслей о детском творчестве и возбуждая эти мысли, привлек внимание к вопросу об искусстве в школе.

В настоящее время эта неотложная забота воспитания деятельно обсуждается в педагогических кругах и уже получает реальные очертания в учебном быту. Искусство в школе получило внимание

со стороны ближайших к школе лиц и надеется получить внимание полное и всестороннее со стороны общества.

Теперь не за особенную редкость можно встретить во многих школах уроки рисования, лепки и всякого вида ручного труда, перемежающие (иногда достаточно часто) часы обычных школьных занятий; рисованием пользуются преподаватели русского языка, историки и естественники как для наглядности на своих уроках, так и в целях большого духовного освещения и познания своих учеников.

Одним словом, речь графическая, долгое время пребывавшая в тени, теперь узрена. Ее изобразительный узор сопутствует и практическому обучению ребенка, и изучению его со стороны психологической.

Но речи графической постоянно сопутствует речь словесная и, как ее поэтическая организация, речь литературная. Для большого уяснения духовных основ ребенка не следует забывать ни той, ни другой. Речь графическая хотя она и эфемерна, и игнорируется извне, все же, как предмет вещественный, более имеет надежд на сохранность и долговечность; но в этом совсем отказано речи словесной, как по ее внутренним качествам, так и по причине нашего крайнего к ней невнимания. А между тем, эта речь, представляя собой важную грань детской жизни, будучи выразительной и оригинальной, имеет все права на наше внимание и изучение; детские разговоры, как иллюстративный материал при обсуждении психологических основ ребенка, так же необходимы, как и всякое в чем-либо выражение детских духовных сторон.

Детская речь, как разговорная, так и литературная, находилась, да находится и посейчас, в непростительном пренебрежении со стороны педагогики, как организации, имеющей своим предметом наблюдение над духовной жизнью ребенка и выяснение способов благого воздействия на развитие и процветание его качеств, стремлений и способностей. Я не знаю ни одной работы, которая исследовала бы речь ребенка, выяснила бы ее оригинальные законы, очертила бы ее любопытную схему, познакомила бы с ее разнообразными типами.

В нашей художественной литературе эта речь передается крайне ограничено, лишь писателями большого таланта, больших и глубоких наблюдений с целью исключительно художественной. Вниманием матери и семьи ограничивается это наблюдение; но это наблюдение преимущественно «курьезов» или так называемых «ранних способностей», всегда радующих родительские сердца: такое наблюдение исчерпывается беспорядочным набором словечек —

странных, смешных или милых для взрослого человека. В детской эти разговоры и замолкают; они не записаны и не исследованы.

Про детскую литературу, столь часто имеющую воспроизводить детей, говорить не приходится по причине ее скудости — с одной стороны и крайне редкой талантливости писателей — с другой. Часто при просмотрах детской литературы кажется, что ее авторы менее всех других знакомы с жизнью своих персонажей.

Выразительность ребенка вообще крайне благоприятна для наблюдения над ним. Почти в каждом своем слове, движении, поступке, творчестве ребенок неизменно выразителен благодаря цельности и оригинальности своего характера; он постоянно открыт для наблюдения; все его внутренние качества и влияния, производимые на него извне, выражаются в нем ясно и откровенно.

Благодаря такой доступности мы располагаем значительным материалом для изучения и на нашей обязанности лежит характеризовать внимательно и точно всю совокупность детских выражений в духовном и материальном мире; необходимо восстановить полный портрет ребенка, — не негатив педагогический и не медальон влюбленной матери, а живой, конкретный, ярко-жизненный образ его, способный глубоко вдохновить педагогику.

Общенаблюденные факты говорят за то, что юности свойственны (в широких размерах) занятия литературой в смысле как ученическом, учебном, так и в личном, творческом. Считая приблизительно с 14 лет, редкий из школьников не писал стихов и художественной прозы, чаще всего описательного характера. Дневник — наиболее простая и частая форма этой потребности; на следующей ступени является уже журнал, как следствие некоторой дружественной организации; далее идет период многочисленных писем к товарищам, друзьям; затем уже литературное творчество принимает характер так или иначе индивидуальный, оригинальный.

Этому писательству, наблюденному повсеместно, в школах самых разнообразных типов, способствуют многие побудительные причины. Как на одну из крупных причин внешнего характера можно указать на принятое при обучении русскому языку обыкновение задавать ученикам работы по «изложению» и «сочинению»; успешность или просто самый принудительный факт появления таких работ зарождает во многих стремление к дальнейшим, уже самостоятельным, попыткам. Крупная причина внутреннего характера заключается, конечно, в стремлении к самопознанию и познанию окружающего мира; на известной ступени развития является потребность выразить и организовать свои впечатления в какой-либо

форме и тем способствовать их личному уяснению. Наиболее доступная форма на этом пути — форма литературная, по крайней мере та, которая возникает у школьника из соединения пера и бумаги; но это все-таки — форма, способная дать временное средоточие впечатлениям в виду неподчиненности мыслей и переживаний юности не только «суровой» логике, но и логике, хотя бы более или менее строгой, в виду хаотичности, мимолетности и стремительности юношеского душевного опыта. Предчувствуются силы, бродящие в постоянном мятеже юности; сильна потребность выразить, закрепить их знаками — не в беседе, не в суете, а наедине, при большей углубленности. Карандаш, часто выручавший в детстве, уже оставлен, так как самокритика давно нарушила его жизнь — рисунки; да и рука не успела приобрести мастерской выразительности, потеряв выразительность детскую, присущую: рисунки перестали выражать волнение и впечатление. На сцену выступила литература.

Литература юношеского периода неоднократно подвергалась педагогическому вниманию и изучению; практически с ней знаком почти каждый преподаватель русского языка. Но было бы несогласно с истиной считать это время первоначальным временем появления в школьниках литературных стремлений. Литературные попытки, иногда очень настойчивые и продолжительные, появляются гораздо раньше, приблизительно совпадая со временем наибольшей художественной выразительности детской графической работы, т. е. от 8 до 11 лет; и вот в этой своей первоначальной поре они почти не исследованы, даже и предварительно не закреплены в педагогической литературе.

Несомненно, что ребенок вышеупомянутых лет более склонен выразить себя посредством устной речи или графически, нежели литературно; это уже на том основании, что его деятельный преимущественно характер стремится в своем занятии — действии иметь осязательный или совершенно очевидный результат, конкретный итог, на который можно бы было взглянуть объективно, критически и через это почувствовать, утвердить свое «я». Но многие дети стремятся и к литературному выражению; последнее часто совпадает с графическим; в своих наиболее богатых внутренних качествах присуще, конечно, наиболее одаренным детям, у которых и тот, и другой способ выражения обыкновенно совмещается и детство которых развернуто широко и полно, подобно хартии, предназначенной нам для прочтения.

Если дети наши мало пишут, даже и при явно выраженной к тому склонности, то это потому, что их литературному творчеству

нет внешних образно-реальных выражений, необходимых для того, чтобы это творчество процветало и развивалось; остающееся на бумаге, не реализованное — оно слишком быстро подвергается забвению, не возбуждает непосредственно дальнейших попыток. Важно в этом случае и равнодушное отношение взрослых, из которых каждый скорее уж взглянет на рисунок, чем станет утомлять себя разбором детских литературных каракулей. Если бы воспитательное влияние отдавало внимание этой отрасли детского художественного труда, хоть сколько-нибудь культивировало бы литературное творчество, оно бы развивалось и богаче, и разностороннее. В этом случае театр, картины, своеобразные инсценировки при пользовании детским графическим творчеством, осторожные и продуманные, придали бы оживление этой работе, ввели бы ее в необходимые детскому глазу конкретные очертания и тем несомненно способствовали бы ее расцвету. Еще одна грань детской жизни открылась бы полно и интересно испытующему взору и обогатила бы наше познание ее как со стороны чисто-художественной, так и со стороны психологической.

Последнее наблюдение над литературным творчеством детей дало бы богатый и крайне необходимый материал для так называемой детской литературы, освежив ее темы и указав на родственную детской душе и уму обработку. Всякому, кто имел дело с этой литературой, известно ее чахлое состояние и малое соответствие обслуживаемой цели. Она составляет достояние не особенно талантливых (чаще — совершенно не одаренных беллетристов), отдающих свой сомнительно существующий талант на служение детям.

Разумеется, вопрос о том, что любят читать дети, — большой вопрос, и единичным силам здесь трудно найти удовлетворительный ответ. Надо предполагать, конечно, что детские писатели руководствуются наблюдением над детьми, но это наблюдение единично, ограничено и случайно. Нужны большие области материала — и их могли бы дать школы, ведающие детьми в раннем возрасте. Язык, который культивируется детскими писателями, справедливо заслуживает многочисленные укоры; он мало доступен детям, редко интересен, не возбуждает к себе горячего детского сочувствия и художественно неправдив. Под влиянием вышепредложенного он, вероятно, получил бы более правильные формы, доступные и интересные для детей и их выражающие.

Детские стихи — цветы мимолетные; они небрегомы и детьми, и взрослыми; их временная ценность для самого ребенка не дела-

ет их малоценными для воспитателей, которым, помимо личного, душевного такта, необходимо еще обладать и наблюдательным взором, подмечающим общие характерные черты детской жизни и ее выражений — в речах, играх, рисунках, стихах, дабы, не угнетая индивидуальности, уметь вводить и соблюдать широкие — классные или школьные — воспитательные преобразования.

В настоящее время у нас слишком мало данных для полной и надежной характеристики детского литературного творчества, тогда как творчество это и его значительная распространенность не подлежат никакому сомнению. За отсутствием многочисленного и разнообразного материала невозможно сказать решительно, насколько это творчество ярко выражает личность ребенка вообще, каким содержанием преимущественно оно питается, насколько высока техническая обработка сюжетов, каковы безотносительные достоинства этого творчества. Неисследованной остается и речь школьника, имеющая близкую связь с его поэтическим творчеством; последнее так же затрудняет решительную оценку.

Предположительно, основываясь на предварительной разработке, можно сказать, что литературное детское творчество несколько ниже графического в среднем, бывая ему иногда равноценным и безусловно выше его в своих лучших проявлениях.

Предполагая дать хотя бы общую и краткую — первоначальную характеристику детских литературных произведений, я буду попутно приводить и самый текст этих произведений, так как иначе рискую быть непонятым или превратно истолкованным. В данном случае эту иллюстрацию детскими стихами нахожу нужной еще и потому, что материал, которым нужно бы пользоваться для исследования, как было ранее сказано, достаточно скуден и составляет заботу лишь нескольких интересующихся этим вопросом лиц; поэтому и простое опубликование характерных образцов уже будет иметь свой смысл.

Я располагаю в большинстве случаев материалом школьным, и сравнительно малое количество из него относится к детям периода детской и детского сада. Нет сомнения, что для полного освещения вопроса необходим именно начальный материал, в котором впервые, путем изнутри побудительным, отражается стремление детей выразить свои, преимущественно личные волнения в литературной форме. В период учебный уже привносится много школьных однообразных влияний, технически улучшающих это творчество, обогащающих его заимствованными темами, но затрудняющих определение его главных истоков.

Как неграмотен и странен, своеобразен по своим достоинствам и недочетам детский рисунок, так же неграмотна и странна, и совершенно своеобразна детская рукопись; так же как и детский рисунок, она требует осторожного и внимательного к себе отношения: лишь при этих условиях она раскроет свои художественные и психологические стороны, свою своеобразную оригинальность; безучастному взгляду детская рукопись покажется только неграмотной и скучной; но детское творчество не может не быть выразительным — необходимо лишь не рассматривать его с ложной точки зрения, с которой часто рассматривают детский художественный труд. Писательская техника у ребенка не может быть высока с точки зрения наших общелитературных требований; ее высота и значение определяются тем, насколько ясно и образно она передает переживания и чувствования маленького автора, в большинстве случаев мало подобные нашим переживаниям и чувствованиям.

Литературная форма в детских стихах более оторгнута от содержания, нежели то наблюдается в графических детских работах; это можно объяснить различием внутренних средств: графическая работа — труд конкретный, основанный на зрительном восприятии; литературная работа — труд более отвлеченный, покоящийся на детском мышлении.

Ритм стиха своеобразный, иногда трудно уловимый, присущ всякому детскому стиху; часто, дабы не была разорвана строка, для плавности в нее вводится случайное слово. К рифме заметно тяготение, но она организуется, в самых простых проявлениях, уже на следующей ступени, когда стиху служит образцом стих из хрестоматии или из детского журнала; в ранних стихах рифма часто отсутствует. Иногда стихотворение является просто своеобразной копией, вернее — интерпретацией какого-нибудь книжного образца.

Стихи обыкновенно коротки; 8–12 строк нужно признать средним объемом детского стиха.

Те из стихотворений, которые органически потребны ребенку, как потребны ему движение, смех, слезы в мире физическом и речь, рисунок, сказка — в мире духовном, всегда имеют своим предметом какое-нибудь движение, волнение или переживание из области действительного, реального детского опыта: именно оно закреплено в стихе, иногда при сопутствовании некоторых картин объективного мира, воспринятых субъективно; это, если угодно, детская лирика. Эти стихотворения (буду называть их стихотворениями органического характера) почти совсем свободны от книжного духа,

наиболее своеобразны и странны для нас, неожиданны по образам и трактовке, более таинственны по духу, в них заключенному, имеют преобладание внутреннего ритма над техническим. Такой детский стих, как и детский рисунок, подчинен своей особенной логике, не всегда легко усвояемой взрослым человеком. В нем обычно картинная изобразительность подчинена, иногда очень сложно, душевному переживанию; вернее, она символически с ним связана и ощущается в своем действительном виде лишь через проникновение во «всеощущение» ребенка, в его цельность. Иногда такой стих заставляет больше предполагать, нежели видеть в нем. Форма очень индивидуальна и часто туманна: сам автор, вышедший из своего настроения, не всегда удовлетворительно объяснит вам возникновение некоторых недоразумений.

Ряд стихотворений, который я ниже предложу вниманию читателей, представляется мне наиболее характерным из материала, у меня имеющегося.

Война.

Еловых иголок в ружье положу
И выстрелом сильным сейчас их убью.

В этом двустишии ясно выражена героическая потребность сильного движения; оно отчеканено бодро и решительно и выражает ясно вдруг нахлынувшую энергию. Очевидно, выстрел был произведен (стихотворение ребенка безусловно правдиво в смысле реальной фабулы), и вспомнившееся после него геройское волнение было выражено в двух приведенных строках. Кого «их»? Вряд ли это имеет значение... Мало ли у играющего мальчика в игре врагов и друзей?

Подвалы.

Крепкие подвалы.
Белый снег ташу.
На коне подвалу
Крепкому свищу.

Очевидно, некоторый героизм выражен и здесь; но здесь внутреннее волнение дополняет ряд образов, которые запечатлелись во внимании: крепкие подвалы (ясная и твердая характеристика), белый снег ташу (образ движения). Свищу «крепкому подвалу» —

очевидно, подвал населен кем-то, кто не обозначен названием, но с кем связан эпизод этой борьбы. Дана картина зимнего двора, где, очевидно, происходила игра.

Вот стихотворение, наивно и просто выражающее деревенские впечатления:

В деревни.¹

Везжаю я в дивевню налево пашня,
Направо домик с скворечником стоит,
А дальши огороды, леса поля, болоты,
А там за белой хатой игриво два ручья текут,
А там с корзинками мальчишки в лес погрибы идут
А в поли там пастух стада пасет,
И все пистреет так все ярко.

Впечатлениям, полученным при въезде в деревню, потребовалась стихотворная группировка, хотя и мало ритмичная внешне; описательным характером выражены эти впечатления от нового места, когда глаза бегают по сторонам, стремясь все оглядеть. Это — особенный момент в детской жизни, столь ярко и прекрасно выраженный Гоголем в знаменитых строках: «прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне весело было подъезжать...» и т. д. Текущие «игриво» ручьи говорят за книжный оборот этого стихотворения; и вообще в нем заметна некоторая книжность; но этот недостаток искупается великолепным признанием последней строки: «И все пистреет так все ярко». Это прекрасно выражает детское озирание; каждый вспомнит, что в 8–9 лет небо нам казалось голубее, нивы — большим золотом, зелень — ярче, красочней. Это лето высечено в памяти ярко и крепко; с тех пор уж другого такого не было.

Следующее стихотворение так же заключает в себе первые впечатления, полученные при обратном путешествии — по приезде из деревни в город. Стихотворение принадлежит мальчику дошкольного возраста и озаглавлено «Москва».

Москва! Гремит колесами извозник,
Везет поклажу ломовой,
Торгует сливами разнощик
И с грушами идет другой.
На Долгоруковской трамвай —
Народу много в них сидит.

Один кондуктор отбирает билеты,
А другой в окно глядит.
Народу ходит очень много,
И перед нами еще дом,
И каменные тут дороги,
И тротуар из плиток весь.

В стихотворении выразилась тонкая и своеобразная наблюдательность; отмечены достаточно четко характерные черты вновь увиденного; подбор этих черточек любопытен: извозчик, ломовой, сливы и груши, трамвай, управление им, множество народа, дом, каменные дороги и плитки тротуара — коллекция наблюденных штрихов своеобразная и для ребенка типичная, хотя бы мы и назвали ее несколько бестолковой. Острота взгляда замечает и определяет такие противоположности широкого обобщения и детской наивности, как «каменные дороги» и вагоновожатого, который называется «кондуктор, глядящий в окно». Стихотворение довольно стройно технически.

Лето.

Лето уж настало!
Деревья наряд свой надели,
Трава зеленеет, цветы распустились,
И песнь затянули прилетные птички,
За летом дождливая осинь настала,
С деревьев снесла их наряд зачухла трава,
С их веток сорвала цветы,
И полили тогда дожди.

Стихотворение написано довольно вяло; творчество стеснено книжностью; шаблонны и не очерчены самостоятельно образы; нет свежих наблюдений. По-детски написана и выразительна лишь замыкающая строка: «и полили тогда дожди». Окончилось лето; пора дождя — пора ученья; дождь для ребенка отрицает лето, портит его окончательно.

Из труб течет вода,
И плещут капли водяные.
Текут ручьи своей водой.
И кучи ледяные.

Этот четырехстрочный стих, озаглавленный «Весна», любопытен своими ранними образами, довольно четкими, наивно и

выразительно воспринятыми ребенком; стихотворение имеет изобразительный характер, очевидно, служа воспоминанием виденной на городской прогулке картины; зрительный материал передан в поэтической форме и довольно удачно: течет, плещут, текут — это основное весеннее движение указано в трех отмечаниях. Строка «И кучи ледяные», не связанная синтаксически с предыдущим, дополняет изображение.

Столь же удачно изобразительный характер личных наблюдений имеет и следующее стихотворение.

Автомобиль.

Тут и там автомобили.
Все на нас они трубили.
Вдруг летит автомобиль
Желтый, с фонарями и опасный.
Давка целая была.
Снег идет. Все видно кучи.

Здесь прелестна по своей наивности характеристика автомобиля; довольно хорошая звучная рифма первых строк. Первым пяти строкам, изображающим уличное стремительное движение, противопоставлена шестая строка, за которой видны прищуренные от белого снега глаза ребенка: «Снег идет. Все видно кучи». Это спокойная картина тихого снега, падающего на суету улицы; кучи растут; падает снег; тишина нисходит в детское сердце. Настроение последней строки прекрасно замыкает все стихотворение тихим аккордом; это настроение маленького поэта, очевидно, и создало ту почву, на которой возникло это поэтическое стихотворение.

Корабль.

Легко кочаясь наводе
Несется к берегу караблик
И невод тащит за собой,
Белеет парус над водой.
И тиха плещится вода
О борт рыбацкого судна.

В этом стихотворении школьника, скорее всего надуманном или навеянном посторонним стихом, есть движение; передана тихая качка и плеск воды. Оно коротко — дает быстрое и живое изображение; технически оно довольно выровнено; но в нем не отражено

субъективных детских впечатлений; возможно, что автор никогда не видел ни рыбацкого судна, ни паруса.

Следующий результат детского поэтического вдохновения, озаглавленный «Конь», представляет стихотворение органического характера; это — как раз тот, несколько странный, вид детского стиха, который с трудом — и не всегда — нами усваивается.

Конь ученый, заплеченый
Вьется пыль из под копыт,
Нет дуги! и стремя плачут
Звонко, звонко стремя плачут
Пушечный наряд.

В этом стихотворении есть какие-то недосказанности, оставшиеся в детской голове; ребенку, очевидно, его стих был вполне понятен в то время, когда сочинялся, вернее — импровизировался; какие-то образы (скорее всего — из области игры) дополняли высказанное, выражали полную картину, но утерялись в литературном изображении и оставили стихотворение неясным для читателя. В стихотворении сохранилась глубоко поэтическая строка, передающая какую-то грустную ноту не то игры, не то ее последствий: «звонко, звонко стремя плачут...». Но эта строка выходит из области игры в область чистой поэзии.

Следующие два стихотворения, принадлежащие одному автору, школьнику первого класса, говорят о его широко развитом поэтическом чувстве, уже способном на глубокие переживания.

Скала.

Скажи безмолвная скала. Скажи про безну моря
Оно тебя всегда уж омывает.
Скажи прито, как на тебе гнездится
Хищник сильный и могучий орел степной,
Скажи ты про небесныя восота.
Скала. О, да, о, да я расскажу тебе про все, про все
И расскажу тебе про сказки деда,
Про песни моря и про вселеную про всю.

Орел. (Соченил Г. В.)

Где утес там из моря выходит,
А утесе на том орел хищный сидел
А тем временем буря настала

И видал как тонул он корабль...
Об утес волны били все били
Закричал тот орел полетел,
Не хотел он смотреть зверство моря.

Стихотворения эти, как и в большинстве случаев, невелики, но выражают эти наивные строки много. Характер сюжета, пожалуй, даже грандиозный; строки замыкают в себе большие пространства, в них ощущается то, что называется «романтизм». Эти «про» и «уж», вставленные для размера, не кажутся обременительными, будучи скрадываемы величественным содержанием строк, большими картинами. Здесь, если угодно, есть какой-то детский байронизм; широки и ярко сообщения величественной природы; здесь природа не взята в тот момент, когда «все пистреет так все ярко», но представлены ее картины в могучих очертаниях, которых, казалось бы, и не охватить детскому взгляду; наивно передана их мощь; но это не та наивность, которая столь понравилась Чехову в определении моря одной девочкой: «море было большое». Здесь наивность поэтического творчества.

Второе стихотворение я считаю выразительным намного более того, что можно бы ожидать от десятилетнего мальчика. Оно неожиданно глубоко по мысли и прекрасно по образам. Благородство орла — необычайно величественно и ярко намечено в семи кратких строках.

Вот несколько глубоко поэтических и нежных строк, написанных прозой и датированных числом «31 декабря 1910 год». Праздник Рождества, столь дорогой детству, внушил эти строки; молодой ум, вняв сущности праздника, задумавшись над ним — быть может, будучи усталый, после елки и многих шумных радостей — представил себе далекую картину, о которой слышал в церкви и учил на уроках закона Божьего. Эта картина, достаточно бледно переданная в учебнике священной истории, облечена у него в ясные человеческие формы Отцовской горести над грядущим страданием Божественного Сына; «великая радость» земли не скрыла для него «великого горя» небес.

Перед Рождеством.

Между тем когда на земле настала великая радость потому что должен родиться Христос, на небе было великое горе. Бог Отец, отпуская своего сына на землю плакал и прощался с Ним, вместе с тем Он и радовался, думая что сколько людей уверуют в Него. Господь говорил Своему

Сыну, прощай Мой дорогой Сын, Я отпускаю Тебя на землю, где будет Ты приносить лишь счастье и дружбу людям Ну так прощай Мой дорогой Сын и Бог Отец обнял Христа и ангелы Божьи спустили его на землю.

Быть может, так надо писать священную историю для детей. К этой «сказке» приписано еще несколько строк на ту же рождественскую тему; они выразительно и крайне просто передают тоже поэтическую картину явления звезды в пустыне человеку, который «заблудился ночью».

По пустыне шел человек он заблудился ночью. Вдруг он увидел на писке полосу света, он взглянул на небо. На нем было много звезд но одна из них была больше всех и ярче всех и она то и кидала свет свой.

Он пошел за звездой и она привела его к пещере в которую он и вошел там он увидел Христа и поклонился Ему.

Эти отрывки удивительно просто выражают ясную мысль и доброе сердце маленького автора.

Вот четыре маленьких строки — имеющих своим автором пятилетнего мальчугана, — крайне интересных, безусловно поэтических и написанных (вернее — записанных с его слов), очевидно, под влиянием внутреннего творческого подъема. Быть может, этому стиху и не предшествовали непосредственно никакие образы; быть может, они были далеки и туманны, достаточно позабыты. Стихотворение очень музыкально; — очевидно, набежавшим внутренним ритмом вызвано неожиданное соединение водопада и паутины.

Из далеких стран
Паутина вьется,
Водопад струится —
И вода все льется...

Эта песенка, наверное, долго мурлыканная автором, импрессионистична по своему характеру. Она не выражает детской энергии; она внятно говорит о детском созерцании, о том времени, когда малыш сидит долго и тихо, что-то думает, морщит лицо, качает головой и играет губами, складывая их для поцелуя.

Вздорная и милая нелепость заключается в следующем стихике с какими-то причудливыми образами; какая-то мечта наполовину потерялась, наполовину сохранилась в этих строках; тут отзвуки таинственной игры с кораблем и впечатления от виденного моря. Стих о медузах, очевидно, привлекавших внимание, повторен.

Наш белый корабль потопает,
Двенадцать матросов спасает,
И лодочка тонет в морских облаках.
Там синия медузы,
Там синия медузы.

Тому же автору принадлежит и следующее, аналогичное предыдущему, стихотворение:

Волшебный поезд выезжает
Теперь для нас, на днях.
И думы наши vyplывают
На белых волшебством конях.

У многих детей (преимущественно начального школьного возраста) литературное творчество не ограничивается рядом случайных произведений, в которых органически непосредственно замкнулись детские переживания или созерцания, но восходит уже на некоторую, как бы сказать, профессиональную ступень. Полная аналогия этому замечается и в графическом творчестве; как иной рисовальщик, помимо самих собою набежавших под карандаш образов, выискивает в окружающем темы для своих художественных работ, желая удовлетворить зародившемуся вкусу к рисованию, так и маленький поэт, чувствуя внутренний позыв к творчеству, начинает оглядывать окружающее и искать в нем побудительных толчков. Для рисовальщика этими толчками часто служат картины, которые он видит, для поэта — стихи, которые он очень любит читать и декламировать. Очень нередко школьники по двенадцатому году, прочитавшие уже добрую половину русских классиков и в стихах, и в прозе. Разумеется, в этих книжных странствиях школьника ему встречается длинный ряд произведений, которым он хотел бы подражать; он пытается это делать. Такие стихи более стройны в техническом отношении; в них чаще и удачнее найдены рифмы; более правильно соблюдаются размеры; они длиннее по размерам. Но их внутренняя оригинальность и ценность значительно уменьшается. Ниже приводимое стихотворение написано, несомненно, под сильным впечатлением известного майковского стихотворения «Кто он?».

Ожидание Петра Великого.

Все селение тревожится
Говорят приедит царь.

К старосте оборотилися
Старинушка отвечай!
И старик рукой махая
Говорил незнаю я.
В это время в дверь собранья
Входит стройный человек.
Он одет в рабочью блузу
И в рабочьи же штаны.
И толкнув рукой матроса
Он спросил, когда же Царь
Они думают приедет и куда направится.
Отвечал матрос сурово:
Да незнаю, должно быть
Что приедит нынель завтраль
Только знать на этих днях.
А поедет чтоль на гавань
Смотреть делку кораблей.

Этому стихотворению нельзя отказать в живости движения и в правдивости литературной обработки исторического сюжета. Петр Великий представлен в своем таинственном и привлекательном образе незнакомца. Хорошо передано возбуждение селения, куда приезжает царь; эта тревога крайне характерна для петровского времени, и, видимо, юный историк хорошо почувствовал личность Петра и им внушенное впечатление; характерно даже это грубоватое: «И толкнув рукой матроса». В этом стихотворении есть и строки некрасовского стиля: «К старосте оборотилися // Старинушка отвечай! // И старик рукой махая»...

Историк класса, прочитав это стихотворение одиннадцатилетнего школьника, был бы приятно удивлен, увидав столь ясное усвоение своих уроков. Такой стих не менее красноречив, чем журнальная отметка: пять. Вероятно, большая свобода выражения своих впечатлений и знаний усилила бы интерес к знанию, облегчила бы его истинное усвоение и прекрасно разнообразила бы уроки серого зимнего дня.

Следующее стихотворение также принадлежит к разряду подражательных; оно написано под сильным и ясным влиянием лермонтовского стиха: это влияние хрестоматии.

Одинокая сосна.

В пустыне средь поля стаяла сосна,
Снег ее все засыпал,

И буря ей ветви ламала,
А снег ее все засыпал.
Осталась одна лишь верхушка.
Как вдруг. Взмолилася Богу.
О, Боже, пойми ты меня,
Мне не от бури и не от снегу
Нет покоя! О, Боже, пойми ты меня!
И звери лютые смеются надо мною,
А как буря, так все под меня.
Но наконец то на стала пора
Весна пришла к нам.
Сосна вдруг зазеленела и снова
Все пташки к ней собиралися,
И она развивала свои ветви
Бросая им зерна.

Первые четыре строки довольно поэтично передают одиночество сосны и зимний холод. Повторение четвертой строкой текста второй строки есть, конечно, желание найти рифму. Моление сосны выражено детски-наивно. «Лютые звери», разумеется, — заимствованный образ. В стихотворении проведена основная мысль с достаточной выразительностью: незлопамятность и радушие сосны, согретой летом. Стихотворение богаче внешне, чем внутренне; оно кажется мне вызванным исключительно чужим стихом, потребностью литературного подражания.

В стихотворении «Бал и Маскарад», которое сейчас приведу, чувствуется, хотя и достаточно затемненное, отражение подобных строк из «Евгения Онегина» в описании бала.

Громкий бал
Пышный Бал
Вместе с ним маскарад!
В зале танцы идут
И музыка гремит.
В Маске барин сидит
С ним супруга сидит
И с ослиной гловою
Сънишка стоит.
Дальше дамы стоят
Перод ними французик (вертится)
Дальше пары танцующих масок,
Дальше красивеньких дамочек ряд.
А там у каменной стены
Старушки модные сидят.

«Старушки модные» вдоль стены и вертящийся французик, неудачно примостившийся на отлете строки и в скобках — высказанное предположение подтверждают; о том же говорит и типично пушкинская «музыка» с ударением на втором слоге. К балу прибавлен бледно очерченный маскарад. Торжественно звучат три вступительных строки.

Пушкинское же влияние ощущается и на следующем, довольно длинном и очень интересном стихотворении. Размер пушкинских сказок, живой и несложный, хорошо дается маленькому подражателю.

Жертва моря.

По морю морю синему
По морю морю бурному
Плывут, бигут кораблики
К родимой старане.
Их парус надувался
Как будто бы старался
Скорей мчит чем всегда.
И сердится волна.
И буря собираится
И ливнем проливается,
И люд уж в грехах каится.
Намокли паруса.
Волна на волну сердиться,
Волна с волною борится
Паспорили, наладили
И с кораблем пошли.
За ними волны малыя
Бегут, бегут удалые
Растет, растет волна
Велика и сильна.
Настигнуты кораблики
И раздался вдруг треск
И по морю по бурному
Лишь только трупы носятся,
Устала и волна!
Гей! ты волна гулливая
Свободная, ревнивая
К своим ты берегам
Не дашь пощады нам?

В этом оживленном стихотворении, несмотря на разбросанность и нечеткость рифм, на выбивающиеся из строя размера строки, наблюдается довольно уверенное, даже подчас бойкое пользование стихом. Очевидно, строки легко бегут и звенят в голове этого школьника-первоклассника, несомненно, много раз читавшего пушкинские сказки; рядом с заимствованными образами набегают и вновь рожденные, иногда художественно выразительные, как, например, вся четвертая строфа: она написана превосходно. Довольно странен и малопонятен конец этого стихотворения; вопрос, бродивший в мыслях поэта, не нашел себе организации в строках; несколько слов остались невымолвленными на бумаге и затуманили содержание.

Это стихотворение говорит за очень талантливую подражательность, в которой замечаются и искры подлинной оригинальности. Ребенок по существу своему, не владея еще силами внутреннего сопротивления, подвержен многочисленным влияниям; его самобытность на этой ступени — лишь оригинальная редкая комбинация этих внешних влияний.

Следующее стихотворение так же подражательно; оно имеет своей темой отрывки какой-то сказки; в нем виден вкус профессионала — писателя. Характерно и изысканное заглавие:

«Песня без названия».

В глухом лесу
Под тенью дуба
Раскинут был шатер.
Царица в нем жила лесная.
Да старый рыжий волк.
Смишно вам кажется конечно
Зачем с царицей волк?
Но объяснение вы найдете
А тамо и весь толк.
Лев похител царевну раз,
А волк ее и спас.
И обручен был старый волк
В царицаного мужа.

Оно довольно лаконично и твердо написано; стих звучит просто и уверенно; в нем интересно обращение к читателю (с 6-ой до 10-ой строки). Стихотворец, вероятно, сам лишь недавно посмеявшийся над сказкой, отличив бывалое от небывалого, предполагает такую

же усмешку и у своего читателя; и в следующих четырех строках он кратко выясняет сущность представленной картины. В этом разъяснительном отступлении может быть также указано влияние стихотворных шарад, помещаемых в детских журналах. Автор стихотворения имеет со стихом дело не в первый раз.

Оригинально своей темой — поэтическим проникновением в душу стихии — следующее стихотворение; оно олицетворяет ветер в характерном образе; сильно выражено в начале самоутверждение ветра и разнообразно перечисление картин могущества его.

Песнь ветра.

Я велик
Я всемогущ
Я гоняю стаи тучь,
Царствую в природе я,
Всюду видна жизнь моя,
Уважу корабли наморе,
Я гуляю в чистом поле,
И если захочу,
Я цеклоном поличу,
А когда я разсержусь,
Грозным смерчем завирчусь.
Полечу по миру я
Гуляй душанька моя!
Дуб к земле прегибается
Народ в грехах своих каится.
Гнев тогда я смягчу
И назад тихо лечу.

В стихотворении выражены сведения, полученные из природоведения и географии; характеристика ветра разнообразна и картинна; последняя картина кающегося народа — конечно, заимствована, но помещена очень удачно. Вообще стихотворение написано энергичным языком, соответствующим сильной стихии; намечены хорошие рифмы: по миру я; моя. Написано школьником, несомненно, имеющим некоторый поэтический талант.

А вот, наконец, на стихотворную сцену выступили и индейцы — плод увлекательного чтения Майн Рида и ему подобных. Стихотворение написано второклассником тоном некоторой насмешки.

У индейцев.

Вот пришел я в стан индейцев.
Ох какая толкотня!
Собралось народу много
У полаточки вождя.
Проталкавшись в полатку
Вот к вождю я подошел
И потершился носами
Я такую речь завел.
Разкажи брат краснокожий
Для чего народ собрал,
Не идешь ли на врагов ли
Ты в воинственный поход?
Отвечал мне Вождь угрюмо,
Да в поход завтра иду.

Стихотворение — эпизодично; это — случайный набег поэтической мысли в стан индейцев; визит к «брату краснокожему» описан живо, весело и образно. Налицо — несколько типичных майнридовских черточек индейского стана. Но в предпоследней строке вождь индейцев все же смахивает на майковского рыбака: «отвечал мне Вождь угрюмо». Позыв к творчеству не имел внутренних лирических побуждений; этот стихотворец — профессионал, ищущий себе для обработки тем и сюжетов вне себя самого.

Следующее стихотворение написано также на самостоятельную тему, заимствованную из мира собственных наблюдений. Стихотворение интересно по многим своим особенностям, ранее нам не встречавшимся.

«Деловой» человек.

Я деловой человек
И тружусь весь свой век
За то ленивых потерплю
Разом всех проганю.
У меня и пузо с нарвкой
Посадить туда можно барана с головкой.
Вот иду под гору я
А навстречу кухарка моя.
Я люблю иногда пошутить,
Чтобы совсем ее с толку-то сбить.
К ней я тихоничко подхожу

Речи ласковые завожу,
И довольствуясь шуткой своей
Я иду домой поскарей.
Подороге сцепившись с другой
И посмеявшись опять над собой
Я иду под холмик крутой
Здесь мне нельзя идти, я крихчу
И накануне куборем личу.
И докотившись тут я встою
И окольным путем иду.
Значит жизнь толстякам трудовая,
Лучше жизнь мне была-бы простая,
Что-б по-прежнему ел-бы и пил
Только брюхо себе не растил.

На этом стихотворении печать некоторой зрелости. Оно — сатирично; это — редкость и есть несомненное влияние книжных стихов; всего вернее подозревать здесь впечатление, оставленное Некрасовым. В произведении двенадцатилетнего автора высказано много наблюдательности, живого и слегка насмешливого характера. В стихотворении есть несколько подлинных уколов; оно достигает цели; насмешливая характеристика «делового» человека выразительна и сильна; проявив большую и тонкую наблюдательность, мальчик веселыми и быстрыми строками очертил походку делового человека, приняв ее за центральную черту в своей характеристике. В стихотворении есть бытовые подробности и юмор. Это прекрасное подражание Некрасову выясняет, насколько сильна подражательность в детском стихе и как оригинально она иногда выражается; маленький автор дал хороший эскиз для обработки зрелого поэта. В школьнике виден безусловный талант, который хотелось бы поручить внимательной и культурной заботе; при условиях благоприятных он может развиваться крайне интересно. Разумеется, трудно надежно предсказать мальчику будущее, но, несомненно, воспитателю лучше знать о его поэтических качествах, нежели не знать о них.

Наконец, встречаются произведения, довольно обширные по размерам и принадлежащие уже к разряду драматических. По большей части их появление совпадает с ранней любовью к театру. Они представляют интересные попытки подражания, как по сюжету, так и по литературной обработке. В них обнаруживается большая начитанность авторов, и появляются драматические произведения обыкновенно уже после того, как детские силы

испробованы и на стихе, и на художественной прозе. Они свободны от личных переживаний и всегда имеют своим предметом заимствованную или «выдуманную» тему; они — объективны. Вот типичное из таких произведений.

Людмила Верова.

Явление I.

Ночь, часовой на стражи у больших ворот замка принцессы Веровой.
В замке светятся огни в день бала.

Часовой. О скораль кончится их бал.
От нитерпенья я сгорю.
О, скороли опять ее
В свои объятя заключу. (вбегает слуга)

Слуга: Скорей, скорее открывай

Вароты настез ты
Счас воины проедут сдесь
И к ним примкнешся ты.

Часовой. Мой друг скажи мне где людмила (так Верову принцесу звали)
Скажи мне отчиго она
Так долго нейдет сюда

Слуга. Мне некогда болтать
Меня уж звали знать (уходит, слышен топот)

Часовой. Счас воены придут
Так меня сней найдут
(показываются воены впереди Воевода)

Воевода: Часовой, иди ты снами На врагов! на врагов!

Явление II.

Дворец, тронная зала; на троне сидит царь. Побокам жена и дочь. Перед царем коленоприклоненные Воины.

Царь. Спасибо вам друзья
Что выручили меня
Я эту службу признаю
И патаму даю всем порублю.

Воены. Ура Ура. Стораться рады
Любовь наша сильна
Ей нет приграды!
Царь: Спасибо вам друзья
Даю вам но мидали
Конечно щедрости такой
Вы никогда и невидали.
Воены: Мы восхищаемся царем!
И песнь хвалебную паем
Тебе!

Явление III.

Дом часового, он говорит другу, который стоит там.

Часовой. Меня царь полюбил,
Мидал с рублем мне подарил
Сталбыть я то заслужил
Ура!

Явление IIII

Дворец. Комната принцесы она стоит перед зеркалом; входит часовой.

Часовой: Идем к отцу просится
Чтоб руку отдал мне твою
О милая моя принцеса
Я так тебя люблю!

Людмила: Атец мой не сирдитый
Отдаст он мне тебя,
И будим жить мы вместе
Друг дружку любя (уходят)

Явление V.

Дворец. Комната Царя он лежит на постеле. Входят часовой и Людмила.

Людмила царю: Ты спрашивал миня

Кого хочу в мужья взять я
Так вот кто будит он
Благослови!

Часовой. Прости нас царь прости!

Царь: Я вас благословляю
В путь жизнинный пускаю

Живите с Богом!

(слышится музыка; приходят танцовщики. Танцы)

(зановес).

Прежде всего следует признать, что техника тринадцатилетнего драматурга стоит на довольно высокой ступени. Это явление редкое, ибо на такую сложную литературную работу отваживаются лишь те дети, у которых есть к тому большое внутреннее тяготение и некоторый предшествующий стихотворный опыт. Действие развивается с большой быстротой и отчетливостью; пять явлений, сменяющих одно другое, замкнуты в себе и связаны со смежными. Характеристика действующих лиц вполне выразительна; в добром царе — трудно решить: предумышленно или наивно — есть и комический элемент; строки, где выражается им уверенность в своей щедрости, вызывают веселую улыбку.

Сюжет — романтического характера, не имеющий пока внутреннего интереса для ребенка, но имеющий большой увлекательный характер внешности для драматурга; влияние всего прочитанного также должно было неминуемо привлечь его именно к любовному сюжету. Романтические персонажи: царь, Людмила, часовой, воины обставлены соответствующей декорацией: замок, ночь, бал, тронная зала и т. д.

Это произведение можно бы приписать юноше, если бы не было в обработке тех милых наивностей, которые сразу выдают мальчика, быть может, немного рано развивающегося.

Этот драматический эскиз обнаруживает в авторе несомненное дарование.

Я не привожу здесь детской прозы; рассказы, повести и сказки очень многочисленны в детской среде; их отдел значительно обширнее поэтического и по своим внутренним качествам ближе стоит к детской повседневной разговорной речи, в сближении с которой его было бы и продуктивнее рассматривать; он дает много материала для изучения этой последней, особенно если к нему отнести дневники и письма. Детская проза (как рассказы, сказки) в сравнении со стихами реже бывает самостоятельна по фабуле; по большей части она представляет пересказы или переделки читанного в наивно-схематичной или в фантастически развитой формах. Почти все русские классики, доступные детям, и из них Гоголь чаще других — подвергаются этой обработке. Взглянуть на классиков

через очи детей, конечно, очень любопытно: давно знакомые образы предстанут в крайне любопытном освещении. Практические результаты такого исследования будут заключаться в более точных ответах на вопросы: как читают дети? что читать детям?

Большое место в детской прозе занимает фантастика.

Литературное детское творчество мало останавливает наше внимание. В школьной пыли и суете теряются эти добрые зерна. На скучных уроках уверенность в том, что скука — истинная собеседница учению, вытесняет свежее и внимательное наблюдение над охраняемой и воспитываемой душой.

Рамка школьной, классной жизни не вмещает в себя полной красочной картины богато цветущего детства; цветы опадают, сохнут и топчутся. В классах царствует хмурая осень, серый дождливый денек. Детям скучно. Их школьная жизнь не радует их.

Присоединимся к этому милому детскому стиху, выражающему недовольство серым днем и мечту о весне:

Тонинький дожжичек
Струица накрыши.
Пошли же нам Боже
Пагоды харошей.

Примечания

¹ Воспроизводя текст детских стихотворений, я не могу лишить их той милой оригинальности, которую придает им отсутствие канона орфографии. Исправленная орфография детского стиха лишает его непосредственности и, пожалуй, некоторой доли выразительности. Глубоко прав Пушкин, заявивший о своей нелюбви к русской речи без грамматических ошибок: это тем более применимо к разговорам детей. Правильный текст будет лишь у стихотворений, записанных взрослыми со слов еще не умеющих писать авторов.